

Вырезка из газеты

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

от 14 апр. 1949

Москва

Газета № . . .

СТРАНИЦА ВОСПОМИНАНИЙ

Отчетливо запомнилось мне поведение Маяковского на репетициях «Мистерия-Буфф» в театре РСФСР Первый.

Молча и, казалось, угрюмо он следил за работой актеров, но вот какая-то неверная интонация, какое-то не так сказанное слово, и он «взрывался», быстро вбежал на подмостки и начинал сам вести репетицию.

Показ Маяковского не ограничивался только техникой произношения его стихов, но простирался на всю систему игры, начиная с жестов и мимики и кончая эмоцией и отношением к образу. Замечательное знание фактуры стиха сочеталось в нем с острым и верным и главным оригинальным чувствованием стихии театра, и почти все указания его принимались актерами без возражений не потому, что они делались Маяковским, а потому, что они иногда одним штрихом вскрывали подлинный смысл репетируемой сцены.

В отличие от других авторов, интересующихся только премьерой, Маяковский внимательно следил за продолжающейся жизнью спектакля и особенно за самочувствием зрителя.

«Мистерия-Буфф» отличалась одной особенностью. В то время как хотя бы «Потоп» в первой студии МХТ объединял зрительный зал в общем отношении к происходящему на сцене, эта пьеса Маяковского раскалывала зрительный зал на различные социальные группировки, враждовавшие между собой и во время антрактов и после спектакля. Этот раскол особенно явно проявлялся в ответах на те анкеты, которые раздавались зрителям для выяснения их отношения к спектаклю.

Владимир Владимирович настолько интересовался этими анкетами, что заходил ко мне в театр даже днем, когда почта доставляла десятки мелко исписанных листков. На многих из них были занесены впечатления «образованного» или «оскорбленного» зрителя.

Однажды Маяковский, перебирая эти листки, вскочил и воскликнул:

— Вот оно, лицо врага! Без маски! Вот он голубчик!

И он протянул мне анкету, на которой размашисто, поперек всей страницы, было написано: «Все это проделки жидов!»

И Маяковский весело хохотал, простирая руку вперед и сжимая пальцы в мощный кулак, — казалось, он самолично схватил за шиворот притаившегося в углу врага и потрясает им в воздухе...

подавляющее большинство зрителей давало отзывы не только положительные, но даже восторженные. Многие, особенно красноармейцы и рабочие, горячо благодарили автора за спектакль. Маяковский предложил мне обработать весь этот материал для «Лефа», в одном из номеров которого и появилась моя статья с выдержками из этих анкет.

Когда Госиздат отказался издать «Мистерия-Буфф» как «непопулярную» пьесу, я предложил огорченному автору напечатать ее в «Вестнике театра», выпустив для этого двойной номер. Маяковский охотно согласился, и пьеса появилась на страницах этого журнала (№ 91—92), издаваемого... тем же Госиздатом.

Номер разошелся моментально, и Маяковский, зайдя в редакцию, весело посмеивался над «обойденными с тыла» издателями.

Но тут разыгрался комический эпизод, который увековечен Маяковским в его «Заявлении» в юридический отдел МГСПС, приложенном А. Февральским к т. III собрания сочинений поэта (изд. 1939 г.).

Разъяренные этой «проделкой» журнала, издатели решительно отказались платить Маяковскому следуемый ему гонорар, заявив, что редакцию надо «передать суду» за самовольное печатание отклоненной ими пьесы. Маяковский рассердился не на шутку. Дело не в гонораре, — говорил он, — а в том, чтобы наказать этих самодуров. И он добился своего. Его не испугало бесконечное хождение из одного учреждения в другое («Потеря в 1½ месяца на разговоры и 2½ — на хождение за заработной платой», — писал он в «Заявлении»), и, в конце концов, бюрократы получили должное возмездие, а гонорар был выплачен полностью, о чем Маяковский с торжеством оповестил сейчас же всех друзей и знакомых.

Маяковский часто заходил к нам в редакцию, интересоваясь особенно отялками провинции на театральные события в Москве. Однажды он принес статью «Открытие письма А. В. Луначарскому», сказав: — Никак не удается ответить на речи Анатолия Васильевича в его присутствии! Скажет — и улечуживается! Пусть хоть прочтет в журнале...

Луначарский прочтал и ответил Маяковскому в следующем же номере журнала. Эта полемика вызвала поток писем в редакцию, к сожалению не сохранившихся.

Маяковский был в полном смысле этого слова «полемический» человек. Полемика, дискуссия, борьба его воодушевляли и вдохновляли. На диспутах, тогда почти ежевечерних, он «разил» своих противников такими сокрушительными ударами, что многие оппоненты просили «выпустить» их «после Маяковского». Но и это их не спасало, — Маяковский брал вторично слово и под оглушительный смех аудитории «уничтожал» их необычайным по силе и образности сарказмом своих речей.

М. ЗАГОРСКИЙ

В. В. Маяковский читает перед микрофоном свою пьесу «Баян», 1929 год